

В Питере он тоже превратился в птичку

«Пушкин в Тифлисе часто превращался в птичку», — утверждают Резо Габриадзе и его постоянный соавтор Андрей Битов, в данном случае — автор текстов к фарфоровой пушкиниане. На выставке, что прошла в залах Фонтанного дома, птичек больше, чем на всех прежних выставках знаменитого грузинского художника. Кроме уже хорошо знакомого всем поклонникам театра марионеток Резо Габриадзе Бори — птички из спектакля «Осень нашей весны», здесь порхают и великие поэты, и безымянные художники.

Сам Пушкин, изваянный Габриадзе из фарфора, не только важно ступает в новых шелковых штанах, только что приобретенных на тифлисском базаре, не только читает в Летнем саду Плутарха, лежа под качелями, на которых порхает (опять порхает!) прелестница в кринолине, не только стоит в задумчивости, окруженный зайцами, которые не пускают гения русской литературы на Сенатскую площадь, но и, превратившись то в птичку, то в пеструю бабочку, летает над Тифлисом.

Выставка «Неслучившаяся премьера» представила петербургской публике новую страницу творчества Габриадзе, покорившего ранее кинематограф, театр, живопись, графику, — теперь он еще и скульптор. Не только птички, зайчики, собачки и кошки, но и признанные гении вроде Наполеона, Бетховена, Руставели, Гете здесь столь миниатюрны, что художнику позавидовал бы даже лесковский Леаша.

В какой-то мере мы знакомы с этой пушкинианой — по графическим листам, где Пушкин был бабочкой, гулял по Испании, выяснял отношения с бесами, а перед сном удалялся в горы и писал там стихи о холмах Грузии. Кто бы мог подумать, что бумага, тушь и перо сдерживали фантазию! Что сочинителю спектаклей подавай объем, цвет, игру фактур.

«Это не спектакль», — останавливает нас предусмотрительный Габриадзе. В авторской аннотации к фарфоровой коллекции он говорит, что вообще не понимает, что это такое, откуда взялись эти фигурки и почему не разбились, совершив путешествие в Петербург. И мимоходом объясняет-таки причину своего «минимализма»: мол, чем меньше оставишь после себя на земле, тем легче будет тебе Там. Тем самым художник пытается обмануть не Тот свет, а самого себя: он слишком много уже сотворил доброго, прекрасного и великого, чтобы скрыть все это за крошечными фигурками.

Похоже, самая задушевная работа на этой выставке — автопортрет, на котором Габриадзе ростом с самого маленького Руставели, — «Автор с цветами на «Красной стреле» едет в Петербург», Резо здесь похож и на себя самого, и на любимого поэта (Пушкин мог бы так же, прижимая к груди букет, катить на зубчатом колесе, почти верхом на помеле из белогокаменной в северную столицу), и на веселую птичку, беспечно вылетевшую из одной клетки и еще не решившую, стоит ли влетать в другую.

Конечно, Габриадзе душой не здесь, он в Грузии, в Тифлисе, как и его Пушкин. Но прочие его привязанности — Париж, Лозанна, Москва, Петербург. На чем же сердце успокоится!

Свою любовь к Петербургу художник выражает многообразно. И этой «Неслучившейся премьерой» (как знать, может, еще премьера случится — роман Габриадзе с Малым драматическим длится не первый год). И кругом друзей, который все ширится. Недавно он сделал этому городу подарок из тех, что прежде дарили Фальконе, Клодт, Опекушин, Аникушин, Шемякин. Памятник Чижик-Пыжику.

До 20 ноября белый гипсовый Чижик сидел в Фонтанном доме между рамами, слушая покой местных кошек. В день закрытия выставки его бронзовый двойник обосновался на гранитном быке Первого инженерного моста, у Михайловского замка, под-над волнами Фонтанки, где она сливается с Мойкой, не хуже Драги и Куры. Место выбрано замечательное — у Летнего сада, на полдороге от Пушкина к Ахматовой.

Открывали памятник — в четыре руки — Белла Ахмадулина и Андрей Битов. Рядом были все те, кто только что участвовал в торжественном закрытии «Неслучившейся премьеры». Но на то Чижик-Пыжик и народный герой, чтобы привлечь к себе и толпы демократической публики. К моменту открытия памятника как раз пробудились после вчерашнего вручения «Золотых Остатов» его вручатели и обладатели — от Вадима Жука и Леонида Якубовича, Романа Карцева до Юрия Роста и Евгения Колобова.

Простой народ с детьми и собаками, дипломаты с женами, оркестр пожарных — толпа заметно отличалась в лучшую сторону от обычной номенклатуры, открывающей монументы, встречающей и провожающей в различные пути. Но если кого-то из фанов Чижика-Пыжика Вадим Жук вынужден был осаживать: «Ата-дэ вы с вашей водкой!» (впрочем, как он был неправ — в такую холодину можно понять того, кто «выпил рюмку, выпил две»), то у элитарной части публики момент вызвал прилив фантазии. Так, художник и искусствовед Эраст Кузнецов предложил следующий памятник водрузить в честь Крокодила, который с Тотошей и Кокошей любил гулять по аллеям Летнего сада. Искусствовед Борис Асвариш увидел в открытии памятника маленькой птичке исторический момент заката гигантомании.

На самом деле склонность Резо Габриадзе к миниатюрным явлениям природы известна давно. Вспомним хотя бы его тбилисский театр кукол-марионеток — он такой маленький, что уместился бы внутри постамента Екатерины Второй. А знаете, как величает Мастер свою жену, Елену! Крошка! Вот вам и разгадка. Загадки тем не менее остаются. Например, можно ли сказать: «В Петербурге Габриадзе часто превращался в птичку»!

Елена АЛЕКСЕЕВА.

Здравствуй и осень —